

Режим доступа: <http://www.southstar.ru/ind.php?c=print&id=176>

► Загружено: *Среда 23 Апрель 2014 - 11:53:55*

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ № 4(13)

[Share on facebook](#) [Share on vk](#) [Share on twitter](#) [Share on odnoklassniki_ru](#) [Share on livejournal](#) [More Sharing Services 0](#)

Немченко Гарий

ДЕНЬ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ

1

Случилось это, пожалуй, в восемьдесят девятом году - уже в наши дни, как говорится... Уточнить можно бы, дозвонившись Володе Скунцеву и Марине: той весной по старинному обряду они обвенчались на Ставрополье у друзей своих, казаков-некрасовцев, и через несколько деньков после свадьбы нагрянули к нам в станицу.

Володя уже бывал и в Отрадной, и в старом моем родительском доме... Оставшийся без недавних заботников, дом пустовал, и, когда парни из ансамбля "Казачий круг" - великолепного мужского хора - приехали на съёмки документального фильма о нашем Предгорье, друзья мои в нем их и поселили.

В ту пору мы с женой, покинув Москву, принялись заново обживать наш дом, намереваясь, коли даст Бог, остаться в нем навсегда... Давалось это - после стольких-то лет столичной жизни - непросто, и появление Скунцевых было для нас не только подарком, потому что мы хорошо знали их и чистосердечно любили, но и дорогим сердцу знаком, потому что, где бы ни жили, всегда истово исповедовали кавказское: гость в дом - Бог в дом.

Как трогательно эта молодая пара тогда выглядела, как смущалась тоненькая большеглазая Марина, как, оберегая её, ходил вокруг заботливым петушком Володя, особенно похожий в то время и русой бородкой, и вообще всем ликом на императора Николая Александровича.

Не буду описывать, какой у Володи голос, не стану долго рассказывать, какой неоцененный пока духовный подвиг "Казачий круг", им собранный, совершил... Когда начала распадаться держава и столь многие, обессилевшую, жадно бросились её обирать и грабить, эта голь перекатная, певцы, которым цены нет, совсем другим озаботились: может

народная культура пропасть - затопчут. Старинная песня может исчезнуть навсегда - заглушат.

На жалкие, на последние гроши на все четыре стороны, в глухомань стали отправляться они “за песнями”.

Через несколько лет чуть не за руку я привел к ним на репетицию знаменитого “эмигрантского” певца, потомка донских казаков Бориса Рубашкина (настоящая фамилия его чуть подлиннее: Чернорубашкин)... Будучи достаточно близко знакомым с некоторыми из зарубежных казачьих отпрысков, смею утверждать, что этот богато одаренный талантом нынешний австрияк - один из самых деловых людей, самых жёстких, и если бы не его душевный друг кубанец Александр Притуп - эх, нынче - болгарин! - мне бы наверняка не удалось удержать Рубашкина до той минуты, когда ребята запели наконец...

“Где они? - кипел Борис, оглядывая пустой зальчик, который “Казачий круг” на птичьих правах “арендовал” в одном из московских дворцов культуры, по иронии судьбы - в ДК завода имени Ильича. - На моих часах ровно семь. Это безобразие, господа!.. Серьёзные люди не могут так поступать!... Какая работа, оставьте, причем тут метро?.. Кем, говорите, кем? Слесарем?! Ах, среди них есть архитектор и есть редактор... Два кандидата наук, да, но скажите, скажите мне: артисты среди них есть?.. Объясните мне, в конце концов, кто они и зачем вы меня к ним привели?!”

Вскоре мы с добрым моим землячком, нынешним болгаринком, высадившийся в Тамани почти три столетия назад предок которого шашкой рубанул на спор по дубовому пню, но не расколол его, только жало притупил, оттого-то и стал Притупом, буквально вдвоём держали слишком горячего и “делового” Рубашкина... Стих он наконец, когда ребята начали пробовать голоса, а когда они вместе спели первую, со слезами на глазах бросился к ним, закричал прерывающимся голосом:

- Господа, господа, где вы смогли взять ноты этих казачьих песен?! Их можно купить у вас?

Не всё пока на нашей Руси продается, Слава Богу, - не всё... Долго объясняли заезжей знаменитости, что с нотами не работают, всё собирали с живого голоса, но для него, так и быть, распишут ноты - в подарок...

Теперь, когда к нам приехали Скунцева, я первым делом позвонил доброй знакомой Надежде Николаевне Яловой в станицу Бесстрашную: мол, примете нас с гостями?

Удалая джигитка, удачливая охотница, не один раз на лошади догонявшая волков, лихая шоферша - не только в этих делах, но в каждом, за какое возьмётся, сто очков вперед даст не то чтобы любому станичнику - вообще многим из отчаянных, умелых мужчин: дедова, говорит, закваска... С фронта вернулся без руки, хорошо, вернулся, отец - нет, и пришлось сызмала и набивать деду патроны, и за убитыми утками вместо собачки плавать, а потом сели однажды богатым табунком гуси, глянула - а дед спит себе ... И она тихонько из-под руки у него ружьё вынула, пальнула в стаю...

думаю иногда: а, может, бабушка её как раз не дремал?..

Но первым делом мы заехали в дом культуры, где собирался хор бесстрашненский... и опять за мной - должок, и - опять!

С Краснодарской студией телевидения делали мы о нём передачу, я был в ней ведущим - “Земляки” наши дважды прошли потом по всесоюзному экрану... А книжку вот обещал, да не написал.

Хор, в самом деле, уникальный: умерли последние два казака, женщины остались одни... Как ни теснил, как ни пригнетал их мало что понимавший в кубанской старине заведующий отделом культуры Нышан Керселян, стояли «как скала»... помните эту кавказскую?

На завалах мы стояли как скала!..

Пуля жалила, жужжала, как пчела...

Они и её поют: “Из-за леса, леса копья да мечи... Едет сотня казаков-усачей!”

Уехали навсегда от нас усачи, уехали...

Оставили их одних в нетопленном зале... хоть песни родные свои “покрычать”, и то!

Никогда у них не было какого-никакого хормейстера, вместо плавного взмаха рук - общий выразительный взгляд на ту, которая из-за простуды не совсем так вытянула, якобы незаметный для слушателей толчок локтем в бок, а то и дерганье подружкиной юбки сзади: ну, куда ты, мол, - в лес, если остальные все - по дрова?

“Крычат” бесстрашненки всё больше мужские песни - походные, боевые, и в них всегда, без принятых когда-то деликатных изъятий - ну, так и не дошло сюда, так и не дошло! - не ждал пощады черкес, и чеченец, как и положено, клонил перед Россией непокорную свою бритую голову...

Среди воинских песен есть у них одна уникальная - “В ружьё!”, о Суворове. И поют они её так мощно и так выразительно, что невольно вдруг чувствуешь: да, так, дух “дышит, где хочет.” В том числе и суворовский дух... и, может быть, как раз он - особенно?

Кроме всех прочих писательских дел мне выпало руку приложить к воспоминаниям знаменитого конструктора Калашникова “От чужого порога до Спасских ворот”. Книгу потом хвалили за “дух Суворова”, но я-то твёрдо знаю, что не из Ижевска проник он в воспоминания “последнего солдата Красной империи”, нет - отсюда он, от вдов “города-

героя Бесстрашки”, “героя” потому, что, несмотря на все черные тучи над нею и непролазную грязь под ногами почти круглый год, жива станица, жива!

В доме культуры Володя расчехлил свой выдавший виды магнитофон, подсоединил два в разных концах поставленных микрофона, и началось действие, в котором неизвестно что было интересней: удивительные старинные песни и молодо звучащие голоса женщин, которых походя называем бабушками, а то и старухами, или молчаливый перегляд наш глазами: “Ну, как, Леонтич, нонче поём?” - “Молодцы, девчата, ой, молодцы!” - “Да тебе-то всегда наши песни нравятся. И жинке твоей, она простая... А этому, что с собой привели?” - “Ещё как нравятся, девчата, - он дока, у-у!.. А нравятся.” - “ А его жинке? Неужели она и правда - артистка?!”

Когда Володя с сияющими глазами подошел потом к каждой, обнял и расцеловал, самая бойкая из них, Оля Дзёма, сказала: “Вот вы нас записали, вы знаете теперь, как мы крычим песни, а как вы поёте, мы так и не знаем... Может, хуть одну спели бы?”

Володя зачем-то включил магнитофон и запел обычным своим первым голосом задумчивую:

Не для меня придет весна-а.

Не для меня Дон разольётся!..

Неожиданно для самих себя заплотировали, а он в это время перематывал ленту на кассете... Включил только что сделанную запись, сам себе взялся подпевать тембром погуще, уже вторым голосом, и песня зазвучала совсем по-новому...

Слушали как зачарованные - не хлопали, а только изумлённо переглядывались, пока он снова там перематывал запись.

Теперь он запричитал-заплакал тоненько бьющимся подголосочком, соединявшим обе записи в совершенно новую, третью песню, до того сокровенную и жалостную, что “девчата” наши, все только лишь качавшие головами, теперь, не стесняясь, зашмыгали носами, захлюпали, а когда он закончил, снова Оля всплеснула сквозь плач руками:

- Боженки мои! Да это ж настоящий хор, да какой, какой!

Володя глядел на них чуть загадочно: как мудрый император на простодушный свой народ в благостную минуту всеобщего счастья..

У Надежды Николаевны дома вдруг распелась Марина.

Красивым грудным голосом вольно и широко затянула вдруг:

Ка-а-ак по матушке по Во-олге,

по Вол-ге!

Сладким своим щемящим голоском Володя бросился молодую жену догонять... как пели они, как пели!

Как будто вижу их на той свадьбе на Ставрополье: среди причудливо одетых некрасовцев, триста лет проводших в Турции, на чужбине, но так и не изменивших самим себе, а значит, родине - той, какой они веками представляли ее... Вижу младших друзей среди казаков-староверов, словно в далеком прошлом.

Но не рюмили также эти старой закваски казаки, когда Марина песней своей снова соединяла их с родною землей, с родной историей - какая мощь и какая грозная сила в голосе её слышались!

В гостях у Надежды Николаевны был с нами и Иван Петрович Брунько, бесстрашненский старожил, много лет деливший напеременку с нашей хозяйкой две главных станичных должности: то он - директор совхоза, она - председатель станичного совета, то она - директор, он - председатель...

В этой последней должности Брунько опять находился и, как главная местная власть, тоже решил проявить заботу о нас четверых:

- Думаю всё, как вас отблагодарить за чудесный вечер... а давайте-ка? Возьму я завтра "уазик", сам за баранкой - как раз поместимся, и покажу вам окрестные места - наши горы... Леонтьич-то здешний, жена давно тоже, а знаю - все равно не откажутся... а вы, москвичи?

Марина радостно в ладоши захлопала, а Володя только согласно руками развел: отчего же, мол, - нет?

2

Дорога от Отрадной до "города-героя" Бесстрашки идёт сперва по низу широкой долины, такой широкой, что виден только крутой обрыв слева и тянущийся над ним горб, который именуется по названию реки Урупской грядой, а покатым холмам справа сперва не видать, только потом начинают подступать ближе и ближе. Но "бесстрашенская" дорога уже отворачивает, идёт по бережку Тегиня, левого притока Урупа, отделенного от него своими заслонами, здесь

так: круч да разломов хватает на всех, и какой-нибудь тебе почти безымянный ручей тихинько - до первого ливня - струится посреди таких теснин.

Сперва не замечаешь и того, что дорога постепенно уходит все вверх и вверх, только за Спокойной тебе открывается, что горы подступили уже совсем близко и ты почти вровень с ними, но тут шоссе с двух сторон укрывает своими садами очередная станица - Подгорная, и только отъехав от неё и приблизившись к взлобку Бикета, - название, которое в этих местах встречается то и дело, потому что казачьи пикеты с вышками и балаганами возле них где только не стояли - ты обнаруживаешь себя на гребне хребтины, по обе стороны которой открыты такие дали!

Внизу слева раскинулись вольно ярко-зелёные бугры и прохладные впадины потемней, неслышно скользят по ним синие тени от облаков, наползают на крошечные островки кустарника, которые в наших местах зовут кушарями, вновь открывают их, растворяются вдруг и тонут в море разлитого солнца, и тогда неровная кромка леса на горизонте проступает сквозь дрожащую марь, над которой вдалеке неизбежно стынют ледяные зубья Кавказского хребта... Справа, насколько хватает глаз, вал за валом катятся по обширной котловине такие же пологие, а где покруче, бугры, которые и зовутся тут катавалами...

Как-то в Бесстрашной я услышал, что председательского - "надькиного" - коня и раз, и другой назвали "Покоритель Кавказа"... Спросил у пастухов, за что это у него такая кличка, и один - то ли очень пожилой, а то ли беспросветной жизнью да зеленым змием умученный, тут старого от молодого так просто не отличишь - ответил, посмеиваясь:

- А никогда не приходилось видать, как он по нашим буграм насаётся? Выскочит с Надеждой-то и на самой макушке станет, гадство, как памятник... Ну, так гордо - кабутто кто научил. Треножить его - она ругается, а убежит - где искать? Да там жишь на буграх. Повертишь головой, а он на макушке - вонын: замер как статуи и стоит один... чего от-то понимал ба? А туда жа!

Возвышается Бикет над пологим спуском в станицу, лежащую в размыкающем хребет выймище, в богатырской седловине... было, и действительно, было время!

Когда Бесстрашная крепко держалась в казачьем седле.

Но теперь она выбита из него, давно выбита и больше похожа на тяжело раненного, почему-то оставленного своими вопреки всем писаным и неписаным правилам... Как в тяжелом беспмятстве лежит на своих тридцати трех горушках

На торце дома культуры, того самого, где голоса по былой нашей славе рано увядшие от непосильной работы женщины, большими ярко-алыми буквами перед празднованием 130-летия станицы вывели кровотокающие слова: "ДОРОГИЕ ЗЕМЛЯКИ! КАК НАМ ВАС НЕ ХВАТАЕТ!" Под ними печальный мартиролог: "1913 год - 9 376 жителей.

1919 г. - 7 750. 1933 г. - 4 568. 1987 г. - 0 990 человек”.

В торжественный, как похоронная музыка, сценарий, с душевной болью составленный приехавшим на именины из Горячего Ключа учителем истории Константином Дмитриевичем Ереминым, бывшим жителем Бесстрашки, кто-то из нынешних насельников счел нужным внести уточнение. Под последними цифрами углем коряво приписано: “Вместе с чеченами”.

Прежде чем сесть в машину с Брунько, долго мы стояли перед этой казацкой “стеною плача”, а когда поднялись на взъём за станицей, на продолжение хребта и в первый раз вышли, чтобы оглядеться окрест, Володя вдруг запел - словно вскрикнул:

П-по горам К-карпатским м-метелица вьется,

сильные морозы зимою трещат...

Эту песню “Казачий круг”, как правило, начинал, когда хорошенько распелись, когда всех объединило ощущение того самого товарищества, о котором почти две сотни лет назад воскликнул пламенно Гоголь: “нет уз святее него!..”

Значит, Володя не выходил из того душевного состояния, которое обрел на собственной свадьбе - среди тех, кто верность братству казацкому пронёс, и в самом деле, через века.

П-проклятый германец н-на нас наступает -

н-на нашу державу, н-на крест золотой!

Кабы один германец теперь - кабы!

К этому времени я уже начал корпеть над переводом романа своего адыгейского друга, кунака Юнуса Чуяко, “Сказание о Железном Волке” и внутренним зрением уже видел, что одна из глав так и будет называться: “ЧТОБЫ ВСЕ ДЕРЖАВЫ БЫЛИ ВРАГАМИ РУССКИХ...” То были строки из тайного письма абадзехам, составленного Магомет-Амином, Карабатыром и другими старшинами, уехавшими в Турцию искать помощи после того, как в 1861 году черкесы отвергли предложения императора Александра II, с небольшой свитой приехавшего к ним в урочище Мамрюк-Огой возле бывшей станицы Царской, нынче - Новосвободной...

В объяснении к тому, почему в прошлом веке так надолго затянулась Кавказская война, или, если хотите, покорение Кавказа, эта фраза могла быть ключевой... И вот снова: теперь уже стало очевидным, что в наших краях чуть ли не один

к одному началу повторяться всё, что происходило тут полтора года назад; только и того, что число “доброжелателей” наших сильно возросло, сильно...

По этой верхней дороге, которой мы теперь ехали, Бесстрашная соседствует со станцией Отважной, одним своим краем лежащей на хребте, как в Сибири сказали бы - на разломе, а другим - уже на спуске с него... тоже “город-герой”.

А какая была станция!

До сих пор уцелели здесь дома дореволюционной, почти столетней постройки, и смотрятся они, хоть пребывают почти в запустении, не хуже остальных, нет. Когда в станциях окрест торопливые внуки решают покончить наконец с якобы обветшавшим совсем наследием своих прадедов, зубья самых совершенных импортных пил начинают искрить над выдержанным когда-то в воде кубанским дубом...

Недаром именно из него сделаны столы и скамьи в привередливом и чопорном парламенте Англии...

Из расположенной за перевальцем, уже в долине Лабы, станции Цафисской мы повернули не на равнину направо, а влево - в глубь гор, и я удовлетворенно хмыкнул:

- В Ахметку, Иван Петрович, заглянем?

- До неё не доедем, на мост свернем, - охотно отозвался Брунько: земляки в его фамилии ударение ставят на первом слоге, а вместо “о” на конце произносят “а”, так что в просторечном обиходе он - Брунька. - Переедем через Лабу, потом по той стороне заскочим в Псебай и через него - вниз, на Мостовскую. А из Мостов - снова на нашу сторону, и через Каладжинку - домой.

- Ну, спасибо вам! - чистосердечно восхитился я предстоящим маршрутом по местам, удивительным по красоте и величию.

И Брунька вздохнул:

- Или мало кому должны? Гулять так гулять!

Спиртного у нас с собой как раз не имелось, но никто и не вспоминал о нем: и без него были пьяны майским солнечным днём, который с каждым часом становился все жарче, но ни-сколько от этого не терял первозданной весенней свежести - казалось, наоборот: он все набирал и набирал её...

Как только вылезали из вида видавшего вида “уазика” и отходили в сторонку от окружавших его разогретых запахов бензина и пыли, на неслышных лапах со всех сторон к нам подскакивала звенящая тишина, и только потом начинали проявляться в ней будто вдалеке возникшие звуки... Кукушка здесь не капризничала, не жадничала с обещанием будущего - с неумолчным трудолюбием громко отсчитывала такт заливавшимся обочь дороги в кустарниках и в ближнем лесу малым птахам. В цветущих травах миролюбиво гудели пчелы, путались и недовольно взжужживали шмели, тяжестью своей опустившие в гушину слишком тонкие пока стебельки со сладкими чашечками.

На изворотах дороги все четче, все ясней проступали сквозь тонкую синь вдали сахарные пики снеговых гор, и будто к ним бросался Володя, сбегая с края шоссе в травы. Замирал там, прислушиваясь к миру вокруг, и запевал вдруг - всякий раз неожиданно... Бывало, внизу оставались мы, а он взбегал на ближний бугор, и голос его, то безудержно радостный, а то бесконечно печальный, опускался к нам тогда как с небес.

Впереди хорошо стали видны две почти сходящихся друг с дружкой высоких горы: Волчьи ворота, которых в здешних местах почти так же много, как и Бикетов. Одна была покруче и даже в солнечную погоду - угрюмей, я, наклонившись к Марине, сидевшей впереди, рядом с Брунькой, сказал:

- Вот это и есть Ахметка. Высокая гора, та, что справа. Место знаменитое: кухня погоды для всего Северного Кавказа...

- Так уж - для всего? - засомневался Володя.

- Иван Петрович не даст соврать - спроси у него.

- И что на этой кухне готовят? - обернулась ко мне Марина.

- Когда что... смерч какой-нибудь. Ураган такой, что крыши в станицах будет сносить и с корнем деревья выворачивать. Ливень с градом. Знаешь, какие в здешних местах падают градины? По килограмму, а то и больше...

- Не преувеличиваешь, батька? - спросил Володя, как бы подчеркивая тем самым и общую нашу принадлежность к казачеству, и моё старшинство.

- Бывает-бывает! - поддержал меня Брунька. - Только это, конечно, не целиковый лед, а множество градин в одну слипнутся, да так крепко, что об землю ударится - и другой раз не разобьётся...

- Хороша у вас “кухонька”, - снова обернулась Марина.

- Дело в том, что у Ахметки сходятся два гигантских воздушных потока, - взялся я объяснять. - Два коридора... По

одному несётся холодный ветер с Баренцева моря: через всю страну и - сюда. А горячий - по Средиземному морю, пересекает Чёрное и тоже - сюда. Прямым ходом. Если они в разное время пришли, то ладно ещё... Но если в одно и то же, то ударяются оба в гору, как в стенку, смешиваются, свечой идут вверх... на целый километр бьют! Специалисты говорят - женятся.

- Венчаются? - с улыбкой переспросила Марина, и Володя тоже откликнулся:

- Ничего себе “свадебка”!

И мне вдруг расхотелось дальше рассказывать.

А дело в том, что предыдущим летом Саша Черняк, который был тогда ответственным секретарем “Правды”, уговорил меня написать очерк о секретаре Краснодарского крайкома партии Полозкове. Ему он, судя по всему, позвонил, а может быть, Иван Кузмич сам проявил и понимание, и такт, которого на родине своей, на Кубани, у высоких руководителей я потом больше не встречал. Ни знаменитого хлебосольтва, о котором тогда по стране ходили легенды и фельетоны писались, ни щедрости за казенный счет либо излишней предупредительности - ничего этого не было, а была как бы общая работа. Неделю - по шестнадцать часов, считай, - или сидел в кабинете у него в уголке или следовал за ним повсюду “как хвостик”. Записывал, если нельзя было тут же поговорить, вопросы к нему, а вечером либо днём по дороге куда-либо в машине он мне то или другое растолковывал.

Потом он дружелюбно спросил: а что, если недельку я сам по Кубани поезжу - в любой район, куда душа пожелает... А после мы снова поговорим.

На дружелюбие и обязательность его отвечал я черной неблагодарностью - чуть ли не ежедневно возвращался к больной теме: возможным последствиям от строительства атомной станции на Кубани, Краснодарской АЭС.

Строительство к тому времени уже шло чуть не во всю, а у меня лежали копии нескольких до отчаяния тревожных писем в правительство: нельзя строить, нельзя - ни в коем случае! Мало того, что станица Мостовская, рядом с которой должна была располагаться атомная станция, лежит на карстовых породах и в случае аварии вроде Чернобыльской зараженными могут оказаться все реки и все, какие есть на Северном Кавказе, подземные источники, в том числе как знаменитые на весь мир кавказские минеральные воды, так и недавно открытые, с запасами ещё большими, - дело еще и в том, что Мостовская, Мосты эти самые, находятся, ну максимум, в сорока километрах от Ахметки, а воздушные потоки, “женившись” там, - со “свадебки” этой самой - со скоростью курьерского поезда тремя коридорами с бешеной скоростью устремляются потом на восток: один через Астрахань, а два - один за другим - посевней... Неудержимо мчат до Урала, а там, если метеоусловия не воспрепятствуют, переваливают через русский “Каменный пояс” и уже беспрепятственно летят через всю Сибирь к далёкому Владивостоку... любопытная картинка, не так ли?

И думай что хочешь: свои недоглядели с проектом? Или чужие слишком далеко видели?

Когда мы снова с ним встретились, Иван Кузмич сказал не только с явным облегчением, но как бы даже и с торжеством:

- Пришлось в Москву по другим делам, но заодно решилось и это, насчет атомной станции: удалось-таки убедить Михаила Сергеевича. Но, чур, уговор: ни в коем случае в печати об этом - ни слова. Это ведь не только над нами висит, в других местах - тоже... Узнают, что нам он пошел навстречу - от других не станет отбоя... помолчим.

Тогда, в брунькиной машине, я вознамерился было печальным знанием своим поделиться, но вдруг, и действительно, расхотелось... Вон как заботливо усаживал Володя свою лебедушку на переднее сиденье: чтобы хорошо было видать наши горы. Вон как руку ей подает, когда высаживает, как, обнявшись, идут они к закрайку дороги, чтобы глянуть вниз, на долину... Как, возвратившись после пробежки своей, от полноты чувств или после того, как спел ещё песню, тут же ладонь её берет в свои обе.

Медовый месяц у них.

А горьких слов им ещё успеют наговорить, успеют...

Мы уже миновали мост через буйную Лабу, уже побывали в Псебае, поставили свечки в безлюдной после полудня церкви Николы Морского, как тут её зовут, - по прихоти судьбы якобы, а в самом деле, само собою - по промыслу устроенной в сухопутной этой предгорной станице моряками... Как раз проезжали мимо того самого городка для строителей атомной станции, который уж успели перед Мостовской возвести, когда Иван Петрович досадливо крякнул:

- Эх ты, какое дело!.. Ведь вот: большое начальство даже за малый недосмотр вечно ругаем, а сами, сами-то!

Перед этим он только что рассказывал, что учился в одном институте с Рыжковым: на том же факультете, на том же курсе. Однокашники! И так теперь надеялся председатель станичного совета на Председателя Совета министров, но нет, нет: видно, что упустил он дело свое из рук, упустил...

- Что, Иван Петрович, случилось-то?

- А ведь думал ещё, - продолжал он как бы сам с собой разговаривать. - Думал: надо канистру с бензином взять, надо! Хоть и попахнет, да зато гарантия, что не будем тут загорать...

- Бензин кончился?

- Да нет ещё, но вот-вот.

- Тут же рядом заправка, - сказал я тоном знатока здешних мест. - Как раз на этом краю Мостов... Будем мимо... или до неё не дотянем?

- Дотянуть-то, может, и дотянем, но кто ж нас там ждёт - с бензином, эх!

- На то и заправка, чтоб...

- Да тут его и в хорошие времена было не разжиться, - не дал мне Иван Петрович договорить. - Про посевную, Леонтьич, не забыл? Все подъела. А где-то ещё пересевают да пересаживают... эх, право! Думал, пожалею гостей... может, хватит. И хватило в другой бы день, а тут - и то показать охота, и это показать... заманивают! Места-то.

- Волшебные места! - горячо откликнулась Марина. - И правда - волшебные...

- Вот... а теперь, видите!

Машину между тем стало подёргивать, и Брунька остановил её:

- Давайте выйдем. Девчата постоят, а мы качнём её с бока на бок, там у неё как будто пазухи...

Из “пазух”, как ни старались мы, вылилось, видать, совсем немного - скоро пришлось нам “голосовать”.

- До заправки дотянуть! - убежденно говорил я притормозившим.

Усмехались почти все, а отъезжали, не дав ни капли, все абсолютно.

- Романтик ты, Леонтьич, - покачивал головой Брунька. - Ох, романтик - какая тебе в начале мая заправка?!

Но что оставалось?..

До заправки на старом “зилке” дотащил нас веселый парень в застиранной гимнастерке. Подмигнул забросившему в кузов трос Бруньке, повел на меня подбородком и пальцем возле виска повертел: мол, везёшь больного?

Мы остались на площадке одни: множество машин стояло поодаль, там и тут возле них кучковались водители. Почему так, я понял, когда на висевшем за стеклом окошка листке из тетрадки в клеточку прочитал написанное размашисто и

категорично подстать почерку: “Бензина нет и не будет. Просьба не стучать!”

Но я-то уже успел завестись!

Как чуть ли не строевым подошел, так точно в стекло забарабанил уверенно.

Окошко открылось почти мгновенно, молодая женщина громко и с вызовом спросила:

- В чем дело?!

- Да в чем, в чем! - сказал я чуть ли не громче неё, широким жестом поведя на категорическую надпись в окне. - Всю жизнь о родной Кубани пишешь, а как купить литр бензина, чтобы до дому добраться!..

- А почему пишете всю жизнь? - переспросила она уже с интересом.

- Да потому что я писатель, и больше ничего не умею...

В голосе у неё любопытства ещё прибавилось:

- А фамилия ваша - как?

- Немченко моя фамилия, ну - Немченко...

Тон мой ясно давал понять, что это - только начало нашего диалога, только начало...

Но она вдруг там всплеснула руками:

- Ой, это правда?!

Я чуть не сбился:

- Что - правда?

- Что вы- Немченко?

- Да тут уж могу ручаться!

- А я ж вас несколько лет тут жду!

Пришел мой черед оторопеть:

- Это в каком смысле?

Она там все хорошела и расцветала: ну так теперь вся и светилась.

- Да в прямом... Сижу вот и жду.

Мало ли, и правда? Я уже чуть не мямлил:

- А... зачем, прошу простить?

Зато у неё на лице такая была доверчивость, такая открытость!

- Вы же писали про Жору Бондаренко?.. Писали. А это мой папа.

- Жора? Бондаренко?

- Ну да... Чабановал у Корнева дяди Вани...

До меня стало доходить:

- В Зеленчуке-Мостовом?..

- Ну да... жили там. А когда помер папа, я уехала, здесь устроилась...

- Умер... он умер?

- Несколько лет назад.

Теперь я и правда его вспомнил, сочувственно завздыхал: ах ты, ах ты, мол!..

- Папка хороший был, - сказала она с любовью и благодарностью. - А вы ж про него записали тогда, в газетке я сама прочитала, а потом люди говорить стали: есть в вашей книжке... а я вот тут сидела и всё думала, думала: да проехал бы мимо нашей заправки этот писатель... А я б у него эту книжку, где есть про папу, и попросила бы. И он бы мне прислал...

3

Конечно, надо мною можно пошучивать, а можно и вволю поиздеваться: хорош, мол, народный заступничек, - хорош!

Десятка три или четыре машин стоят, ждут - нету для них бензина, ну нету, и не будет, а ему по самые ноздри в "уазик" залили, и больше ему ничего не надо: счастлив форменно!

Но я тогда не слышал ворчанья и ругани, которые наверняка имели место быть, как говорится, не замечал косых взглядов в нашу сторону - так удивило меня и так умилило произошедшее...

Нет, правда: какою приветливой хозяйкой вынеслась она из своей деревянной, с решетками на окнах, конторки, как засуетилась, как вокруг нас не то что забегала - ласточкой залетала...

А я слёзы еле сдерживал: да милая ты моя! - все думал. Сидела в своей этой будке, терпеливо ждала. Горячо верила, что нужный ей человек непременно поедет мимо и перед нею появится... недаром и звать-то её: В е р а.

Пробовал за бензин заплатить, сунуть деньги в кармашек кофточка-разлетайки или оставить под окошком - куда там!

Она так искренне обижалась, так радостно повторяла одно и то же: мол, как не поймёте - это вам от нас с папкой... он бы за меня радовался-я!..

Не слышавшие начало разговора спутники мои сперва не очень-то разумели, что происходит, а только все таинственно переглядывались, и лишь Брунька, как человек дела да ещё какой, какой школы - бесстрашенской, стремительно и беспрекословно выполнял все команды нашей спасительницы и жалел теперь, по-моему, что зря, в самом деле, не захватил из дому канистры: пустой.

После, когда я все пересказал им, наш экипаж попритих, поудивлявшись, задумался, а Скунцев вдруг спросил:

- Какое нынче, братцы, число?

Шестое было с утра! - взялись над ним наши дамы посмеиваться.

- А праздник, батька, нынче какой у нас?

- Георгия Победоносца? - припомнил я, поскольку праздник этот чтит не только сам по себе, но ещё и потому, что с детства, считай, дружил с осетинами, а святой Георгий у них - один из самых почитаемых святых, да что там - главный!

-А отца-то Веры, покойничка, как звали? - продолжал Володя допытываться.

- Жора Бондаренко... Георгий, да!

И Володя накрыл мою руку ладонью и поприжал:

- Вот, батька, во-от! Святой Георгий и устроил нам эту встречу... По его, получается, Жориному ходатайству...

У меня у самого всё это вызревало в душе, в уме выстраивалось, а тут вдруг возникло с такою ясностью: “Он бы за меня радовался-я-я!” - сказала о своём отце Вера... да причем здесь это возможное, это всего лишь предположительное “бы”?

Не знаю, как это происходит, но то, что случился и его праздник, пастуха Жоры Бондаренко, случилось и его торжество, и он стал не только зрителем его с горних-то высот - стал участником, а в какой-то мере и устройтелем его - это точно. Прав Володя: ходатаем был. За дочь свою. Перед покровителем путников... Одним из самых главных заступников России и переживающего нынче не лучший свой час православного её воинства.

В Отрадной я первым делом нашел дома экземпляр своей книжки “Человек-корень”, с нетерпением принялся листать...

Вот эта страничка о знаменитом в наших краях чабане Иване Андреевиче Корневе и о его помощнике Жоре:

“Теперь уже повидал я Ивана Андреевича в разных, что называется, видах: и как метельной ночью в три утра бредет он, утопая в снегу, на кош с черною дерматиновой сумкой, в которой имат сала, кастрюлька с варениками да хлеба краюха. И как поздно вечером осторожно, чтобы, упаси бог, не поскользнуться да не упасть, спускается потом под гору, и в сумке у него лежит только недавно увидевший белый свет крошечный ягненок-доходяжка, а за пазухой такой же второй - опять будет работа тете Поле: угощай парным молочком, выпайвай травками!..

И слышал я об Иване Андреевиче тоже много. Знакомый агроном, с которым я недавно возвращался с хутора Зеленчук-Мостовой, из того самого отделения колхоза “Россия”, где работает Корнев, стал мне, сам над собою посмеиваясь,

рассказывать:

- Я ещё тогда не знал его... А с мясом неважно. Я и подкатил: Иван, говорю, Андреич! Как бы у тебя - колхозной баранинки?.. Не выручишь? Думал он, думал, морщился, потом говорит: ладно, мол. Я тебя уважаю. Завтра вечером подъезжай, буду дома. Подъехал завтра... выносит из сараюшки куль. И что-то у меня подозрение... Развернул, а там пять куриц, уже ощипанных. Иван, говорю, Андреич?! Да ты что? А он чуть не плачет: хоть режь, а барашка - не могу! Своих перевел, не держу пока - не успеваю!

Слышал об Иване Андреевиче много, но больше всего запомнилось то, что увидел однажды сам.

Студеным февральским утром, когда уже стали меркнуть огоньки и в хуторских домах под заснеженной горой, и дальше, в черкесском ауле Бесленей за темным, так и не поддавшимся льду Зеленчуком, мы с чабаном Жорой Бондаренко стояли среди овец на корневском коше. Овцы уже торопливо жевали, уже перебежали от кормушки к кормушке, одна другую отталкивали, а мы теперь отдыхали, поглядывали на еле заметно выступающую из сини чуть розоватую вершушку Эльбруса и рассуждали расслабленно, что нынче она "без паахи" - без облачка на макушке - значит, к погоде, да...

С возом сена на широких санях неслышно подъехал Иван Андреевич, остановился поодаль и - не то чтобы приказать - почти виновато попросил сверху:

- Ты тут поглядывай, Жорк!..

Бондаренко, тот наоборот - прикрикнул по-хозяйски и даже отмахнулся:

- Давай-давай!

Иван Андреевич ещё посидел с вожжами в руках, помедлил, потом спросил неуверенно:

- А не много я накидал?

И тут Жора взорвался:

- Хэх, ей-бо!.. Да езжай ты уже, надоел, ну тебя к шутам, а то сычас за валенок стащу, а сам сяду!

И по тому, как Иван Андреевич, поднимая кнут, вдруг задержал его и покачал головой, я понял, что он вздохнул.

- Противно смотреть! - сплюнул Бондаренко.

Когда Корнев тронул наконец, я спросил Жору:

- Куда это он?

И Жора сплюнул опять.

Но тут сперва придется несколько слов о самом о нем, о Бондаренко.

Жора тоже труженик, каких поискать, - не даром же пришел к Ивану Андреичу, не даром работают они в паре. Но до этого... Как-то, когда мы с Жорой, оставшись на коше ночевать, сидели у этой самой печурки, пили тот самый пастушеский - от сорока болезней - чаек и толковали о житье-бытье, он позвал меня за порог, под крупные в горах, словно слегка лохматые звезды, и там набок наклонил голову, поднял палец:

- Слышишь? Песни играют. Думаешь, на хуторе? Не-е!.. На кошу. Там, где и я раньше... О, дают песнячка! А теперь слушай: овечки должны кричать. На том кошу, кто громче - чи пастухи, чи овечки... или не слышать, глянь? - и он ещё внимательней в морозную ночь вслушался, сказал почти ошарашенно. - Неужель покормили?

Та - с песнячками - жизнь Жоре однажды надоела. И он попросился к Корневу. Тот ему поверил.

Бывает, правда, что поедет Жора в соседнюю станицу за какой-нибудь малой малостью и встретит там кого-либо из старых своих дружков закадычных. Тогда он вернется на бричке гордый и недоступный, станет пыжиться и старшему чабану выговаривать: сам горб скоро наживешь и других не жалеешь. Кому оно это надо?!

Ну, тут уж их обоих крепко выручает, что Иван Андреевич недослышит.

Зато, когда в конце года получит Жора столько же, сколько старший чабан, а то, случается, и чуть больше, ходит он виноватый, бубнит другое: "Андреич!.. Если я када отто... ты уж энто... не серчай, а?"

Но другой раз приходится Жоре покричать на старшего и будучи ни в одном глазу, как говорится, - когда он, старший чабан, выкинет что-нибудь этакое, что с его, Бондаренки, точки зрения - ну совсем уже ни в какие ворота!

Как в этот раз.

Сплюнул Жора и говорит мне:

- Ты представляешь?.. Он сено, что своей корове косит, каждый раз на кошу скирдует. А зачем, спрашивается?.. И комбикорма, и силоса хватает, да ягнятам, когда только что родятся, каротин нужен, а где он? Он в хорошем сенце. А с сенцом-то, знаешь, бывает... Вот он и давай тогда свою скирду потрошить, колхозных ягняков угощать. Ну, раз ты такой добрый - угощай. Дело, сам знаешь, хозяйское. Только не забывай же и про свою скотину!.. А то своя ревмя ревет, Полина, бедная, с вилами по соседям ходит, как побирюшка - навильничек тут, навильничек - там... дал я ему вчера прочуханки! - и голос у Жоры набирает строгости. - Потихоньку, чтоб ты не слышал, страмил-страмил его. Что ж, говорю, что ты - Герой труда? Ну, что теперь делать?.. Вот это, говорю, пока я за тебя серьезно не взялся, накитай, говорю, воз и отвези домой, а не то... Заставил-таки! Накитай он нонче с утра. А теперь подъехал, видишь, и поет: а не много, мол, накитай?.. Нет бы посмотреть, не много ли на кошу оставил - хэх, ей-бо! Учишь-учишь!..

И Жора, убежденный в несправимости Корнева, безнадежно махнул рукой."

Какие-то две странички... Всего-то!

А радости было у Жоры в его не очень устроенной - чтобы беспросветной не сказать - жизни, радости!..

Ещё и дочке оставил.

Вере.

Кроме этого, может, и ничего больше: был не из тех, кто копит, гондобит, по-здешнему, эх!

Вспомнил, как Иван Андреич, когда мы только что познакомились, взялся меня расспрашивать, какой я писатель: газетный? Или - книжный?

Газетных писателей, говорит, у нас на кошу уже много перебивало, а из книжных вы -первый...

Тоже вот, Герой соцтруда, а что в своей жизни видел? Ну на какое-нибудь торжественное мероприятие - в "край", в Краснодар... Ну в Москву разок: на сельскохозяйственную выставку. Недаром ведь Жоре иной раз больше начисляли: подменял старшего, пока тот был в отлучке.

А между тем ведь постоянно держал их в памяти: скольких повидать пришлось, у скольких погостить... А более сердечных в простоте и открытости своей, пожалуй что, не встречал; может, это доля пастушеская делает людей

мудрецами? Недаром ведь считается, что именно они, пастухи, были первыми астрономами. Звездочетами, да.

Раздумывая, я словно мягко провалился в те зимние деньки, которые несколько лет назад провел у Ивана Андреича и Жоры... вот же, вот!

Почему тогда об этом не написал? Посчитал, что не главное?

Как пришла пора уезжать, на санях об одну лошадку мы с Жорой ранним рано спускаться начали к хутору, где я собирался сесть в автобус до Отрадной. Темень внизу уже была пробита неяркими желтками: огни в далеких окнах то почти растворялись в легком туманце, а то начинали длинно лучиться - мы поднимались на бугорок, но тут же снова подныривали под предрассветную кисею. Потом хутор исчезал, кругом белели призрачно снега и снега, и тут среди покрытых ими холмов и увалов коротко полыхнула яркая горбушка... луна?

Повел головой, шею вывернул, но сани опять покатились вниз, Жора накрепко вожжи и прикрикнул на лошадку начальственно, так - больше для острастки... И на макушке очередного горба мы вдруг очутились чуть не вровень с облитой алым, осиянной голубиной верхушкой Эльбруса.

- Жора! - ахнул я. - Погоди...

Но он остановил сани ещё до этого, сказал довольным тоном:

- Да, а я нарочно сюда... поглянуть!

В долине внизу ещё не один часок до рассвета, а там уже настал ясный солнечный день... Вглядываясь в царственную, с венцом на серебряной главе гору, долго молчали, и я был благодарен Жоре за это молчание... что тут скажешь?

Проговорить, что красота неземная, - всего лишь отметить факт, потому что это мы на грешной земле, а там всё - чище, девственнее, недоступнее, целомудреннее... И в самом деле - возвышенной.

- Надо ехать, Жора, - сказал я наконец и вздохнул вздохом, как дитя малое.

- Надо дак надо.

- Спасибо тебе: когда ещё такое увидишь?

- Да тут - хуть каждый день.

- В том-то и дело: тут!

- Да а чаще приезжай до нас!

- Хорошо бы... как прижмет вдруг тоска в Москве... Как вспомнится родина!

- Да какая она у нас красивая... а, Леонтич? Какая теплая.

Прогостевал я у них тогда две недели. Была самая пора окота, и я на равных с Иваном Андреичем и Жорой отдежуривал своё ночью, но овечки почему-то предпочитали ягниться, когда не спали всамделишные чабаны, а не как я - зеваки... Видел это раньше мальчишкой, но теперь будто проникался каким-то иным смыслом, когда смотрел, как жадно поедает окотившаяся овечка студенистый послед, как терпеливо облизывает освободившегося из него крошечного ягнчка.

Утром, когда “итог били”, Иван Андреич с карандашом в руке спрашивал:

- Сколько у тебе, Жорк?

- У мене двадцать чытыры, - кричал Жора и для убедительности и на пальцах ещё показывал.

- И у мене двадцать шесть, - ставил очередную цифирку Иван Андреич.

- У Леонтича тры! - кричал Жора.

Иван Андреич как будто нарочно переспрашивал:

- Скольки?

Жора большим пальцем мизинец к ладони пригибал, остальные выбрасывал навстречу внимательным очкам Ивана Андреича. И тот значительно повторял:

- У книжого писателя - тры!

Что ж, что “тры”: хоть кош давно остался позади, парные овечьи запахи сопровождали теперь наши санки и на морозном воздухе... Шли от лежавшей под нами соломы? От рабочей одежды Жоры: замызанной “кухвайки”-стеганки и

продранных штанов, через дыры которых видны были и вторые, под ними поддетые, и - третьи?

Или - уже и от моей меховой куртки, недавно совсем новенькой, купленной в магазинчике мехового комбината в Отрадной, где на ней висела на черной ниточке бирка: “верх. спецодежда для работников ферм”?

К овечьим запахам прибавились вскоре конские, Жора деликатно выждал, пока над упавшими в снег теплыми “яблоками” они как будто достигнут пика, начнут потом на морозце таять и постепенно улетучатся...

Вожжами тронул лошадку, санки легонько скрипнули, покатались. Вокруг нас оказались снова снега и снега, краем и отчего-то сбоку мелькнули вдалеке теплые огоньки в хуторских окнах, дорога надолго пошла вверх и вверх...

- Жор! - сказал я наконец. - Мы ж тут, кажется, уже проезжали?

- Да, а чего нам? - откликнулся весело. - Я вижу, тебе нравится... а до автобуса ещё о-он сколько, мы успеем!

Тут до меня дошло:

- Гляжу, катаешь меня?

- Да, а чего плохого: время есть. А я ж помню, как ты с коша на гору, на Эльбрус все глядел... честно, Леонтич: знаешь, какой я довольный, что ты красоту эту понимаешь!

- Ещё б не понимать, Жор, - своё!

- А тянет всё-таки, Леонтич, домой?

- Ещё как, Жора. Ещё как!

- Ну, и бросил бы уто Москву эту!

- Да как её теперь бросишь?

- Ну, дак хуть насмотришь тут - от пуза!

Вспомнил всё это, и - пронзило: стоп-стоп!

Да ведь и Брунька, считай, катал нас... тоже красоту нашего Предгорья показывал.

Как же так вышло, что к той заправке, где Вера так долго ждала меня, мы при очень похожих по смыслу обстоятельствах опять и приехали?!

Как это всё вообще происходит

... В тот же день я пошел в Отрадной на почту, отправил Вере бандероль.

4

На этом бы можно поставить точку.

Или же - нет, нет?..

Всего лишь через год-два, во Дворце спорта в Лужниках конный театр, созданный младшим из братьев Кантемировых - Мухтарбеком, готовился показать премьеру спектакля “Прощай, Русь! - Здравствуй, Русь!”

Как я в те дни за Мухтарбека радовался! За Мишу.

Старший из знаменитой династии цирковых наездников, Хасанбек, был в это время уже на пенсии и в Ростове отводил душу, создавая семейный музей «Джигитов Осетии “Али-Бек”» - труппы, ещё в двадцатых годах основанной не увядавшим потом до глубокой старости, ещё в свои девяносто выезжавшим на манеж Алибеком Тузаровичем Кантемировым. Средний, Ирбек, уже успел получить не только все, какие можно, звания и награды на родине, в Советском Союзе, но и заработать мировое признание и громкие титулы самых элитных клубов за рубежом... И тот, и другой шли, вернее - мчались классической, наезженной отцом цирковой дорогой, и только Миша взял резко в сторону...

Кантемировых знал три десятка лет и не однажды успел о них написать, с Ирбеком, Юрой, стали не только товарищами - душевными друзьями, и все вместе мы так давно ждали, что вот-вот, вот-вот настоящая удача улыбнется и Мише. Довольно долго он работал в группе Ирбека, на нём были самые ответственные трюки, потом ушел в кино и, кроме блестящей каскадерской работы, принесшей ему славу среди коллег-профессионалов, показал великолепную актёрскую, снявшись в заглавной роли картины “Не бойся, я с тобой”... Но всё это были только подступы: к самому себе.

Каких только мук не натерпелся он со своею заветной целью - конным театром! На “бис” приняли постановку экзотического “Золотого руна”, в которой Миша попеременно изображал нескольких героев сразу... Но пришла пора мудрой зрелости... как он над своею “Русью” трудился!

По сути, то была непростая наша история, проходившая не только у зрителей на глазах, заодно - пред очами святого Георгия Победоносца, образ которого воплощал столько лет мечтавший об этой работе Миша.

Не только богатырь и красавец - благороднейший человек и умница, которого сама природа, казалось, создала для столь высокой и ответственной роли... С неизменным копьем в руке, как смотрелся он, в серебристом шлеме и алом плаще поверх сверкающих доспехов, на своем верном Эдуарде - мощном сером жеребце в яблоках!

Конечно же, сначала он побеждал змия и освобождал красавицу, возвращая её родным отцу-матери, потом, наблюдая за схваткой славян-русичей с кочевниками, врезался в самую гущу схватки, и его удары мечом со вздыбленного коня решали исход яростного боя... Помогал святой Георгий лихим гусарам, в меньшинстве оказавшимся против французских драгун под Бородино, помогал русской коннице против германской в первую мировую. И, в глубокой печали опустив голову, долго потом стоял с краю поля, на котором шла братоубийственная война белых казаков с красными. Гражданская...

Но вот на арену стремительно вылетали уже нынешние - тогда ведь так на них надеялись! - молодые казаки, радетели возрождения России. В обновленном образе той красавицы, которую когда-то давно спас святой Георгий от чудища, появлялась она сама - новая Русь, за руку ведущая светловолосого мальчика в национальном костюме... И Победоносец наклонялся с коня, брал мальчика, усаживал перед собою и, пока на арену высыпали многочисленные участники спектакля, с гордостью и достоинством совершал с ним круг почета... круг жизни. И - круг истории.

Действо получалось яркое, энергичное, богатое по смыслу и щедрое своими эмоциональными всплесками, которые придавали ему не только главные по сюжету, но и вставные номера - с ярмарками, гуляньями и народными забавами... почти полтора десятка лет спустя я всё ещё вижу, вижу это как наяву!

Правда и то, что я ведь не один раз спектакль просматривал. Несколько. И когда Миша звал на репетиции. И когда пригласил на видеозапись покупавшими представлением на корню, спорившими из-за этого меж собой японцами да голландцами.

Мы как раз снимали документальный фильм “Вольная Кубань”, и я решил, что одна-две сцены из Мишиного спектакля наверняка украсят нашу картину... но что такое, что такое?

Неизвестно откуда взявшиеся военные “гаишники” и раз, и другой, и третий завернули нашу машину с

киноаппаратурой, могли опоздать, а тут вдруг - тоже откуда ни возьмись - на улице появились танки...

Притемненный зал Дворца спорта в Лужниках был чуть ли не полностью пуст - лишь кое-где кучковались молодые осетины, которых я видел на собраниях землячества, куда частенько приходил с Кантемировыми...

Десятка три или четыре зрителей - в зале, рассчитанном на шесть тысяч мест.

Это был день Преображения Господня в 1991 году - 19 августа.

Отвлёк москвичей другой спектакль: возле Белого, будь неладно это название, дома...

Спектакль, который так блистательно разворачивался на всех последних прогонах, теперь вдруг померк, замедлился, почти остановился... В самый неподходящий момент споткнулся вдруг под Мухтарбеком серый в яблоках его Эдуард, верный "Эдуля"...

Не от внезапного ли повеса головы у наездника это всегда случается?

Не от неверного ли толчка джигитского сердца?

Миша после спектакля уединился, и только чрезмерная настойчивость привела меня наконец в комнатку, где с серебристым шлемом на коленях сидел, ещё не снявши алого плаща, опустив голову на грудь, не знавший до этого не только поражений - не знавший усталости Победоносец...

Или у них т а м тоже все не так просто и случается всякое?

Каким отрешенным взглядом, каким печальным друг мой на меня посмотрел!

Спектакль провалился с треском, и первыми убежали из труппы ярмарочные плясуны из вставных номеров, акробаты с гиревиками, так выразительно и так весело изображавшие народные забавы... Потом, прихватив седло, которое у каждого джигита - своё, тайком стали покидать Мишу наездники.

Сперва только русаки, потом - осетины...

С немногими оставшимися с ним конниками несколько лет Миша то перебивался на Золотых песках в Болгарии, то бедал на чужих манежах в Москве... Всё это время мы перезванивались, нет-нет да встречались на осетинских праздниках или в доме у старшего брата, у Ирбека, и когда в газетах замелькали сообщения о явлении в Осетии святого

Георгия, я тут же набрал Мишин номер.

- Тебе не кажется, Миша, что это на твой многолетний и почти непрерывный зов Победоносец откликнулся? - спросил Мухтарбека. - Во всяком случае, ты этому наверняка способствовал... звал его... тебе не кажется?

- Нет-нет, Гаринька, нет! - в дружелюбном Мишином тоне так ощутима была его деликатная улыбка, которая не однажды заставляла меня задумываться: откуда в этом богатыре с его великаньей силой и ловкостью опытного поединщика, откуда столько мягкости и братской любви? - Это слишком щедрая награда за мой скромный труд. Чересчур высокая честь, я её не достоин. По-моему, это все осетины давно просили его защиты, и он появился наконец, наш святой... наш Георгий Победоносец. Ты знаешь, какой потом в Дигоре был кувд? Люди пришли не только из соседних сел - из Владикавказа приехали. Везли с собой кто баранов, а кто быка. Не хватило всей улицы, чтобы сдвинуть столы и выставить на них все, что привезли с собой - столы тянулись и за селом, по обе стороны...

- Миша, Миша, - попытался остановить его. - Скажи другое: какие-то достоверные подтверждения есть? Или этот пир на весь мир - самое главное теперь доказательство...

- Такого о б щ е г о пира в Осетии уже давно не было, хотя ты знаешь, сколько народу собирается всегда в святой роще на праздник Джергубы... того же Георгия Победоносца. Но там было больше! В Дигоре.

- Вот и спрашиваю: теперь это - главное доказательство чуда?

Мухтарбек вздохнул и уже другим тоном посоветовал:

- Позвони генералу Цаголову. Он человек серьёзный, ты это знаешь. И он с удовольствием с тобой встретится...

- Он был там- Ким?

- И там - тоже, - улыбнулся Миша.

- Сейчас же с ним свяжусь. Тут же.

- Перезвонишь мне потом? - попросил Мухтарбек. - Надо повидаться: у меня для тебя есть маленький подарок... к случаю как раз. Перезвонишь?

Генерал, работавший тогда заместителем министра в Миннаце - в том же здании на Ушинского в центре Москвы, где когда-то Сталин в Миннаце начинал, - принимал меня запросто, в комнате отдыха рядом со своим кабинетом, все стены

здесь были увешаны видами Кавказа собственной его кисти. Извинившись, я медленно пошел было вдоль картин, но тут же остановился, завздыхал...

- Кавказ подо мною? - спросил генерал насмешливо.

- Хоть бы на часок! - сказал я мечтательно.

- С удовольствием бы составил компанию, - поддержал он понятный ему порыв. - Но... всё, что могу, как говорится!

Повел рукою на собственные пейзажи, и я снова и с интересом, и с ностальгической тоской стал вглядываться, но тут вдруг подернул головой - словно споткнулся обо что-то глазами.

- Совсем другие горы, - слышалось у него в голосе одобрение. - Афганистан.

- Неужели с натуры?

- Нет, это по памяти...

Но тут надо, пожалуй, объяснить, откуда пошло наше с Цаголовым знакомство: в девяностом году, когда я ещё не успел наиграться в казаки-разбойники и был председателем Оргкомитета по созыву первого Большого круга казаков России, прежде многих других пригласил на него старого своего к тому времени друга Ирбека Кантемирова, Юру. А Юра пришёл на наш круг с другим джигитом - наголо бритым горбоносым осетином в генеральском мундире. Вид у него был не только бравый, но чем-то явно довольный, проницательные глаза дружелюбно посмеивались.

С Ирбеком давно понимали друг дружку с полуслова: подтолкнул его плечом, потихонечку спросил, кивнув на Цаголова:

- Есть причина?

- А у него она будет ещё лет десять, - рассмеялся Ирек. - Столько, сколько моджахедом работал...

Сунул руку в карман пиджака, достал небольшое фото: угрюмый погонщик в драном халате и в чалме с мордой верблюда над плечом.

- Каких только не разузнал там секретов, а спрашиваю, что это за скакун у него, араб или ахалтекинец, - молчит!..

Когда рассказал теперь Цаголову о цели визита, генерал нисколько не удивился.

- Я вылетел немедленно, как только из Владикавказа позвонили в Москву, и ещё застал нерастаявшие следы от конских копыт на крыше школьной подсобки, - начал деловым тоном. - И сделал потом всё, что должен был сделать профессионал: всех до одного свидетелей расспросил, ответы записал, свел вместе, постарался анализ дать...

Где-то в архивах моих лежит крошечная кассета с записью подробнейшего рассказа генерала Цаголова... мне стыдно, что где - то, а не тут, сейчас - под рукой. Стыдно, что по горячим... по ещё не растаявшим следам запись эту я так нигде не опубликовал тогда - после за меня это сделал в "Юридической газете" старый товарищ Юра Апенченко, однажды искренне удивившийся: "Как? У тебя это есть, и ты - сидишь?"

Такие мы, русаки!

(Подумал было, вдруг повезёт, сунулся сейчас по многочисленным коробкам и ящикам, нашел такую же крошечную кассетинку от "Сони" с надписью карандашной: "Босфор"... Это - к тому же, и лишь подтверждает, что я сейчас вроде бы на верном пути... на курсе, который прокладывал тогда снимавший учебный фильм для будущих штурманов России Евгений Геннадьевич Бабинов -главный штурман Военно-морского флота...)

И всё же не в этом суть.

В том, что сам генерал все, в осетинском селении Дигора случившееся, воспринимал с той же уверенной деловой серьёзностью, с какой относился к своим афганским странствиям караванными тропами...

-Что любопытно, - рассказывал, зажигаясь. - Все слышали, как святой Георгий сказал: вы перестали слушать старших - это очень плохо... Около сотни человек опросил, и все: да, слышал. А какой у него, спрашиваю, был голос?.. Чем он запомнился? Удивляются: причем - голос? Он как-то так... молча. Но каждый слышал одно и то же - слово в слово... Я потом одному из наших высших церковных иерархов тут уже, в Москве, об этом рассказываю, а он: все верно. Воистину в писании: молчание - язык будущего века!

Выходит, зря я всё-таки в разговоре с Мухтарбеком пошучивал насчёт вселенского пира - зря. Сказал об этом Цаголову, и он будто вспомнил:

- Будешь звонить, поздравь его. Недавно он окрестился...

Надо сказать, что прежде я об этом не думал: крещен Миша, нет ли?

- Вот как? - откликнулся теперь с радостью. - И где он окрестился?

- Отец Артемий его крестил, - чему-то улыбался Цаголов. - Может, помнишь, в самом начале перестройки этот батюшка вел передачи для детишек - такое доброе лицо, весь светится, - и переменил тон. - Так и не пойму до сих пор, почему он с телевидения ушел, а все эти бесы появились...

Загадка, которую не в силах даже опытный аналитик одолеть?..

5

О Полозкове “Правда” так ничего и не дала: по вольной своей, не стесненной работой в штате привычке я тогда замахнулся чуть ли не на роман о Кубани, а положение в стране менялось стремительно - не успел. Две сотни машинописных страниц под весьма многообещающим названием “Возвращение человека” и поныне ждут продолжения уже в одном из самых дальних углов на нижней полке вместительного стеллажа - молчаливого пожирателя так и не воплощенных, не доведенных до ума замыслов...

Может, потому-то и решил Саша Черняк, что мне необходима строгая редакционная узда?.. Или - свет не без добрых людей - просто пожалел меня, бившегося от безденежья как рыба об лед?.. Так или иначе, это он позвал меня “обозревателем по культуре” в “думский” журнал “Российская Федерация сегодня”, где был в ту пору вторым заместителем главного редактора, он потом по-братски поддерживал, пытаясь не давать в обиду ни ответственному секретарю, высокомерному - эх, на пустом месте! - однокашнику, ни первому заму - ненадежному кемеровскому землячку.

После насытных, но зато далёких от начальственного присмотра “вольных хлебов” мне, конечно же, приходилось кисло, но изо всех сил старался я должности своей соответствовать...

Дело было в 1999 году, в начале июля. Опаздывал на “летучку” и, невесело потешаясь над собой, придумывал: что бы такое в своё оправдание сказать?.. Как там наши редакционные гиганты: не завелась, мол, машина, пришлось оставить в гараже и - на метро... Может быть, и мне так? Не завелась, мол, машина, как ни старался, да, - не завелась!... Как ни бился - так в шестьдесят с лишком и не завёл её; ну нету у меня машины - пришлось пёхом!

Пусть, мол, поулыбаются - пусть...

Но отшучиваться мне в тот день не пришлось: вместо летучки шел “круглый стол”, да какой гость во главе его восседал!.. Главком Военно-морского флота адмирал Куроедов с внушительным офицерским синклитом по бокам.

Конечно же, я уши навострил, как говорится: часто ли приходится теперь видеть умные лица с озабоченными глазами,

слышать искренние, не скрывающие внутренней боли голоса...

Когда начались вопросы, кто-то из наших не без лихости предложил сформулировать “главную проблему” Военно-морского флота, но главком сказал медленно и жёстко:

- У Военно-морского флота нет проблем: есть задачи, которые он должен решить, во что бы это ни стало.

В торжественно-горьком тоне послышалось тоже почти позабытое: твёрдая воля воина, обязанного стоять до конца. Во мне отозвалось что-то древнее, что-то от предков - спросил громко:

- Это девиз?.. Как раньше у джигитов: настоящий джигит не должен был спрашивать, сколько врагов. Он спрашивал только главное: где они?

Старшие офицеры в желтых форменках с черными погонами, сидевшие по обе стороны от адмирала вскинули оживлённые лица. Главком усмехнулся вроде бы снисходительно, но с видимым одобрением:

- Это девиз, да.

Разве не устали мы от череды предательств, и тайных и откровенных? Разве не истосковались по достоинству и чести, оказавшись вдруг на грязных задворках всемирного торжища?

И меня, штафирку гражданского, вдруг понесло - вскочил снова:

- Много лет назад, я тогда жил в Сибири, мне пришлось разрешение Главного штаба побывать на наших военных судах в Средиземном море. Тогда обстоятельства не позволили им воспользоваться. Вы только что говорили о походе отряда кораблей с нашими миротворцами - в Грецию... Нельзя ли, товарищ адмирал, и нынче считать мою бумагу действительной?

Не исключая, он кожей ощутил эту символическую возможность: на разрыве времен связать ещё одну тонкую ниточку. Поглядел на меня построжавшими глазами и чуть помолчал. Сказал коротко:

- Вылет послезавтра в девять ноль-ноль с аэродрома Военно-морских сил в Астафьево. Бумагу - при себе.

Сослуживцы поглядывали на меня не без усмешки: придумает же! Какая ещё “бумага”?

Но тут я как раз не сочинил.

Дома первым делом бросился к шкафу с давними, как леденцы прилипшими одна к другой записными книжками в лидериновых переплетах, принялся ворошить старые папки, разгребать вороха бумаг с фирменными бланками тех времен, которые из дня нынешнего, и в самом деле, виделись допотопными... Ну, фанфарон! А что, если так и не найду?

И все же ближе к полночи рабочий мой кабинет, где все вверх дном было, как при хорошеньком обыске, перевернуто, огласился торжествующим ором.

- Немедленно включи уют и разгладь этот лист! - сказал я возникшей в дверях и готовой за сердце схватиться жене.

Не знаю, заметила ли она, но в голосе моём, само собою, слышались отголоски шторма и звучала сталь флотских приказов...

Когда самолёт главкома приземлился на военном аэродроме возле Анапы, там уже стоял готовый взмыть вертолёт с работающими винтами - донесения высшего командования черноморцев Владимир Иванович выслушивал уже в воздухе. Но вот наконец разомкнулся кружок из голов, склоненных над столиком в салоне вертолёта, видна стала разноцветная карта туапсинского побережья с бухтой Агой, где готовился к походу отряд больших десантных кораблей - БДК.

Понял: настала моя минута.

Привстал и положил перед адмиралом листок: и красная звездочка Минобороны СССР в левом углу на синем бланке Главного штаба ВМФ, и фамилии высоких чинов, и подписи в размахе, и - дата: 15 августа 1968 года.

Хмурясь, главком долго вглядывался в бланк. Развел руками, заодно протягивая мой раритет командующему Черноморским флотом Комоедову:

- Где мы с тобой тогда были, слушай?

И Владимир Петрович качнул головой:

- Да-а, скажу вам...

Тут металл послышался и действительно. Когда, скрывая нахлынувшую было лирику, Главком приказал, произнося

слова медленно и раздельно:

- Взять... на головной... корабль. Обеспечить... каютой!

Через две недели, когда мы вернулись из Салоник и наш БДК “Азов” первым подошел к берегу и опустил грузовые сходни, чтобы принять вторую партию десантников-миротворцев, таможенники долго не хотели меня выпускать.

- Ни в одном из списков вас нет - на каком основании находились на борту?! - допытывался моложавый капитан-пограничник. - Можете объяснить, откуда взялись?

- Из прошлого, - сказал я наконец, доставая свой магический бланк.

Протянул пограничнику, и тот, всмотревшись, усмехнулся:

- Ин-ти-рес-нинь-кая дело! Выходит: храните старые бумаги - вам они могут пригодиться?

- Выходит, да!

Так я и назвал потом свой репортаж из Салоник: “Храните старые бумаги.” Не дельный ли, и правда, совет?

Но это было уже потом, после возвращения из морского похода, а в тот день, когда моторный шлюп, подпрыгивая на волнах, только что притаранил меня к “Азову” и мне пришлось долго выбирать момент, чтобы перескочить на трап и принять потом два своих сумаря с книгами для раздачи десанникам и со своими шмотенками, - в тот день первым, кого я, поднявшись, увидел на борту, был бородатый священник в черной, из легкого полупрозрачного шелка, рясе.

Я шлепнул свои сумари на разогретый солнцем металлический пол, сложил одна на одну ладони:

- Благословите, батюшка!

Он широко перекрестил меня, спросил строго и чуть насмешливо:

- Никак - верующий?

- Стараюсь, батюшка, - отвечивал я как можно смиренней. - Стараюсь воцерковиться...

- Ну-ну, - как будто разрешил он заниматься этим и дальше. - А “Верую” знаешь наизусть?

- Вроде бы...

- Вроде бы или - и точно, знаешь?

- Знаю.

-Читай! - приказал он.

- Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, - начал я медленно, чтобы не сбиться: и в самом деле, с вертолета - на корабль, на корабле - тут же на молебн!..

- Молодец! - одобрил он, когда я закончил. - Иконки при себе имеются?

Взялся расстёгивать нагрудный карман рубахи, достал дорожную, в тисненном кожаном окладе, иконку, подаренную мне Мишей Кантемировым: в овале, формой и размером с подкову - цветной, в сиянии Георгий Победоносец, поражающий копием лежащего под ногами солового коня темно-синего, с опавшими крыльями змия.

- Освящена? - деловито осведомился священник.

- Да, батюшка, а как же...

- Имей при себе, когда помогать мне будешь, - сказал он как о деле решенном. - Повесим над моей, когда крестить стану... И морячков, и миротворцев... много некрещенных. А захотят. Вот и будешь пономарить... справишься?

- Постараюсь, батюшка, - пообещал я не очень уверенно. - А как мне вас... как вас звать?

- Тёзки мы со святым на твоей иконке, с Победоносцем, - сказал он, отчего-то повеселев. - Отец Георгий я, видишь!

Но видел я тогда, по правде сказать, совсем мало...

Каюту мне дали в удобнейшем месте на носу. Слева от моей была капитанская, где со всем - по-нищенским-то временам нашим - возможным комфортом расположился контр-адмирал Владимир Львович Васюков, командир похода кораблей, а справа - выходит, штурманская: в обстановке куда более спартанской - привычка, как я понял потом, старого “подводного волка” - поселился главный штурман Военно-морского флота контр-адмирал Евгений Геннадьевич

Бабинов, родня того самого Бабинова, ну да, да, родня - что делать, если защитников Отечества с морским кортиком знаем куда меньше, чем защитников с хоккейной клюшкой?

За обеденный столик в кают-компании нас с батюшкой посадили вместе с двумя этими высшими на борту начальниками, и в первый же вечер спросил Васюкова: мол, чем я могу отблагодарить за прекрасную каюту и за эти великолепные макароны по-флотски?... Должником оставаться не привык, как отработать?

- Сможете, - ответил Владимир Львович с улыбкою не очень веселой. - И я вам буду весьма признателен. Очень у многих из моряков, особенно первогодков, прямо-таки бросается в глаза такая беда: дефицит общения. Много замкнутых или ушедших в себя: и бирюки, простите, и нелюдимы. Какой из него матрос?.. Пожалуй, не открою вам тайны: кто идёт нынче в армию да во флот? Те, за кого побеспокоиться было некому - остальные пристроены. Платные учебные заведения. Отсрочки по состоянию здоровья... хотя самая неблагоприятная категория в этом смысле - как раз у нас. В армии. И во флоте. Скольких мы вынуждены в госпиталях сначала до нормального веса докармливать!..

- А нам с тобой окормлять предстоит, - наставительно изрек отец Георгий. - Так что засучивай, Гурий, рукава и - в народ!

Не тем ли занимался всю жизнь на добровольных, как говорится, началах?.. На волонтерских.

А тут вон как по-барски поселили, и дружелюбный помощник кока, стюард, с улыбкой предлагает ещё стакан компота из сухофруктов... в народ, Гурий, - в народ!..

С кем я потом и где только не выстаивал часами за непростою беседой: лишь бы слышать было друг дружку под порывами ветра наверху или при машинном грохоте внутри нашего “десантника”. Постепенно одного и другого разговорив, сколько рвущих сердце историй пришлось потом выслушать: о безотцовщине и спившихся матерях, о голодающих дома в деревне младших сестренках и старших братьях в тюрьме ...

Как тут опять не вспомнить Лескова: “И даны мне были слёзы обильные... Всё я о родине плакал.”

Но вот и контрактники, записные здоровяки, а то и “качки” постепенно перестали таиться... у них ли всё хорошо, идущих за море, в Сербию, часто не по братскому долгу, больше - за “длинным долларом”. Помните, как мы когда-то стыдили на миру, как осуждали и корили “длинным рублём” жадных до настоящего дела и не терпящих несправедливой оплаты работяг... как предали их потом, оставив со сраным, от рыжего Толика, ваучером в дырявом кармане?!

А командиры “Азова”, эта бедующая теперь в чужом Крыму русская голь?.. А прошедшие “Крым и Рим” и оставшиеся теперь ни с чем дядьки-старшины?

Ульем гудел и “офицерский клуб”, который в свободный час собирался где-нибудь поближе к носу в теньке: чтоб хорошо было видать и разваленные, отлетающие назад синие волны, и ныряющих в них под борт, чтобы под днищем проскользнуть и появиться уже с другого бока, черных дельфинов, и утреннее либо вечернее алое солнце, расплющенное о морскую гладь на зеленоватом горизонте... Тут были и штабисты-черноморцы, и определенные на “Азов” дублерами капитаны кораблей, оставшихся на севастопольском рейде, и бывшие судовые врачи с грозных когда-то, просторы мирового океана бороздивших крейсеров-великанов, томившиеся теперь однообразием службы на берегу, в госпитале, и старшие офицеры Главного штаба ВМФ - тоже счастливики, потому что дальних походов ни на одном из флотов давно уже не было... Изнывавшие ещё недавно от скуки в далеких экзотических странах, теперь они как мальчишки радовались пустынному виду паханого-перепаханного ещё недавно Черного моря, среди старинных названий которого не зря имелось когда-то и название Русского.

Нынче не только территориальные воды - вся прилегающая акватория нейтральных ну как вымерла... Единственный чуть не за всю дорогу до Босфора далекий силуэт корабля на горизонте вызвал горькую усмешку:

- Турок-спиртовоз. Прёт в Батуми. Оттуда спирт в Грузию, контрабандой в Осетию, а там по всей России - уже сивухой...

Когда начались облеты нашего каравана чужими самолётами, все оживились:

- Старые знакомые: небось узнают...

- Сейчас качнет тебе крыльями, ага.

-Турки?

- Америкосы.

- Откуда тут?

- С базы какой-нибудь...

- Далеко!

- У них горючки залейся - сто верст не круг.

- Поход, говорят, раньше должен был... Когда они только намечали Югославию бомбить. Тогда бы через наши головы не

посмели... И миротворцев посылать теперь не пришлось бы.

- А почему отменили?

- Официально - из-за топлива... Теперь еле наскребли.

- Фигня это, ребята.

- Само собой: полная.

- Продали мы тогда сербов.

- С потрохами.

- Теперь бы хоть мальчики успели в Приштину вовремя!

- А слышали, греки америкосов не хотели в Косово пропускать? Заблокировали дороги...

- А наших, говорят, ждут?..

- Т а м понимают. В Греции.

- А наши стратеги...

- Это ты им слишком большой комплимент: наши.

- Вон-вон! Разворачивается, сейчас опять зайдёт...

Но не только тут отводили душу.

Когда в капитанском своём люксе Владимир Львович устроил адмиральский приём для нас троих, соседей по столику, речь шла - хоть в более сдержанных тонах - почти о том же: может быть, это наша всеобщая беда нынче - дефицит братского общения?

6

Был июль, стояла жара, небо к полудню начинало выцветать, но тут и наступала пора, когда командиры выкраивали часок-другой, чтобы освободить матросиков от вахты мирской: дабы заступили на вахту духовную...

Когда на “Азове” крестили первых, заметил, как ребята стараются не наступать на полную ступню босыми ногами: стальной пол дышал жаром. По настоянию батюшки дядьки-мичманы тут же велели обдать его забортной водой, но высыхала она, как на кухонной конфорке, стремительно и чуть не с шипеньем - пришлось искать деревянные решетки, класть под ноги.

Над большою иконой Николая Чудотворца, подвешенной в каком-нибудь бронированном уголке корабля, батюшка определял и дорожную мою, в кожаной оправке - святого Георгия, рядом с купелью ставили и покрывали куском желтого бархата столик, из крестильного ящичка я выкладывал рядом с Евангелием большой крест, пузырек с миром, кисточку, свечки, ножницы и полтора-два десятка маленьких крестиков уже со шнурками. Не таким простым делом оказалось вдруг для меня раздувать кадило, и я насмешничал над собой, вспоминая московских своих землячков, ловких мальчишек-прислужников из церкви Николая Чудотворца в Старом Ваганькове, уверенно помогавших нашему отцу Виктору... до меня и сейчас, когда пишу это, вдруг донесся печалью и страданием пронзающий душу батюшкин голос: отец Виктор дружил с Игорем Тальковым, светлая ему, незабвенному, память, они любили петь вместе, и, когда погиб Игорь, в голосе у батюшки, какой бы из псалмов он ни пел, всегда звучал теперь и надрывный плач по ушедшему соратнику, который ещё вернется, вернётся к нам в сиянии славы...

- Отрекаешься ли от сатаны и от всех дел его, и от всякого служения ему, и от всякой гордыни его?! - намеренно строго вопрошал отец Георгий.

Худосочные, телом напоминающие картофельные ростки в темном подвале по весне матросики, которых из-за впалой груди и торчащих как неоперенные крылья лопаток звали “птенчиками”, шептали тихинько:

- Отрицаюсь...

Какая, и правда что, рвущая сердце разница была меж ними и стоявшими теперь бок о бок десантниками, заботившимися о поддержании формы, кормилицы своей нынешней, здоровущими “контрактниками”!

- Сочетаешься ли Христу? - громко вопрошал отвернувший их всех от “сатанинского” запада лицом к Господу, на восток, отец Георгий.

И у десантников звучало как немедленный отзыв на приказ:

- Сочетаюсь!

Громко, в унисон батюшке я прочитывал “Верую...”, он раздавал в это время зажженные свечки, из-за порывов ветра они вдруг гасли в руках, и тогда наши “крещаемые” явно оживлялись и начинали делиться огоньком... Господи! - кричало все во мне. - Если бы они и дальше точно так же выручали друг дружку!..

Я далеко не реформатор, нет, но, но в те часы, недостойный, думал иногда, да простится мне, с болью: может быть, уже давненько бы стоило ввести в таинство крещения слова о братской взаимной помощи, о национальной солидарности среди русских - ведь пропадаем, пропадаем без неё... так и - пропадем. Ни за понюх табаку. Ни за грош!

- Печать дара Духа Святаго! - произносил священник значительно. - Аминь.

- Аминь! - произносили еле слышно “крещаемые”.

Кисточкой с миром отец Георгий оставлял еле видимые крестики на лбу у них, на ушах, на груди и на руках, наклонялся поставить крестики на ноги, а следом я крошечной губкою их тут же стирал... Невольно как бы обследовал глазами каждого: стреха слегка отросшего “ежика” над вытянутым как скворечник лицом, тонкая шея и куриная грудь, худющие, с грубыми пятернями руки и под закатанными штанами ноги - одни мослы с растоптанными, не видевшими обуви по размеру ступнями, привычными к доставшимся от деда безразмерным “опоркам” от сапог либо к материнским галошам. Цыпки, трещины, отросшие ногти, под которыми залёг невыведенный пока чернозем погибающих от водки и конопля русских деревень...

Подбирал губкой еле видные полоски мира, оставленные священником на стопе - будто кланялся в ноги и выращившим ребят в холоде-голоде матерям-одиночкам, и самим этим мальчикам, о которых родина только тогда и вспомнила, когда настала пора идти в армию... кланялся им: за нас всех.

В очередной раз поднялся, омочил губку и выжал, потянулся к лицу длиннющего тонкошеего парня с большими глазами и увидел вдруг счастливую улыбку... Губы у матроса радостно подрагивали, рот широко открылся - видны стали голые, как у младенца-грудничка, пустые десны... я вспомнил!

Как стоял у лееров среди офицеров-врачей, и полковник Калинин, начальник морского госпиталя в Севастополе, говорил, печально посмеиваясь:

- Не верите?.. А вы спросите у моего тезки, у Шепелева - это по его части, - и обернулся к коллеге, майору-стоматологу. - Подтверди, Саша, журналисту. Или - опровергни...

- Что ж тут опровергать, если он с нами на борту? - вздохнул Шепелев. - В девятнадцать - ни единого зуба. Выпали все.

Голод, полный авитаминоз и как следствие - цинга... А парень, скажу вам, - золото. Из безотказных. Говорю зубному технику: сделай как родному сыну - будь другом. Как самому себе. Он там с этими челюстями для матросика завозился, а тут - поход за три моря, что там ни говори, и "птенчик" у меня просится: ну можно? Так хочется дальние страны посмотреть... для этих-то морячков и Турция да Греция теперь - дальние... А с голоду не помрёшь, спрашиваю? Да ну! - он говорит. - Уж если дома тогда не помер...

И снова вспомнил своё общение с Михаилом Тимофеевичем Калашниковым, со знаменитым конструктором, на работу с которым подвинули ободравшие меня потом как липку "черные полковники" из "Росвооружения": столько военной техники распродавшего за бесценок "Росвора". Если бы они с такою же страстью объегоривали миллионеров из Арабских Эмиратов и деньги отдавали в казну! Может быть, наши морячки, почти дети, выглядели бы не так жалко... Может, сами они не лоснились бы бесстыдным жирком, а переползавшие через поясные ремни животики не напоминали бы прущую через край дежки опару... господа офицеры, эх!.. Чуть не каждый из них потихоньку и как бы мимоходом сообщал о себе, что он, ну само собою, - полковник ГРУ, так что в конце концов я прямо-таки не мог не подумать о существовании ещё одной организации - самой многочисленной, самой мощной и самой беспощадной нынче в России, в которую столько высших офицеров и генералов независимо от должности своей вцепились нынче зубами: Ж Р У.

Какою оживленной сделалась морская дорога на подходе к турецким берегам, уже к Босфору!

Сердце возрадовалось было писанным по-латыни русским названиям на бортах, но пыл мой тут же остудили стоявшие рядом опытные морские "волки":

- Вы на порт приписки глядите: во-он, буквами помельче...

Кому только теперь не принадлежали наши суда! Кто их только не арендовал! Вместе с командой.

Не очень весело махали нам в ответ нынешние невольники, проходившие мимо кораблей доблестного некогда Военно-морского флота на судах, выходит нынче, тех стран, о которых раньше и слухом было не слышано... Шли они все по правому борту, ложась на курс до Румынии, до Болгарии, до незалежной Украины, наконец, - только не домой, нет...

Но вот и пролив, вот они - ворота русской славы и русской трагедии... Может, здесь как раз и рождался державный смысл двуглавого орла на русском гербе?.. Когда ещё князья наши, стоя на носу идущих к Царь-граду ладей с дружинниками, строго поглядывали на берег слева и справа; когда столетья спустя по водному разделу меж Азией и Европой спешили к местам морских сражений покрывшие себя неувядаемой славой русские адмиралы?..

Какое оживление царило в проливе, сколько наших судов торопились навстречу нам!

И снова все - под чужими флагами.

Рудовоз “Знамя Октября”, порт приписки Анталия.

Танкер “Магнитка”, порт приписки Пномпень...

А по бокам от нас проплывал двуединый, спаянный историей - жестокой учительницей - древний город-легенда с минаретами между вековыми домами-крепостями и ажуром современных “высоток”, с пестрыми коврами на балконах домов по обе стороны, с кофейнями на близких берегах - там и тут: Истанбул-Константинополь. Стамбул.

- И правда, сказка, - и правда! - невольно вздохнул я, как бы сам себе отвечая в этом непрерывном внутреннем диалоге, то поднимающем душу к небесам, то опускающем её на грешную землю.

- И знаете, кто её сделал былью? - с горькой усмешкой спросил Евгений Геннадьевич, главный штурман, с которым успели мы подружиться и часто теперь бывали вместе. - Это мы с вами, да-да, не удивляйтесь: ещё недавно по мировым меркам, скажу я вам, довольно скверный был городишко. А расцвел теперь благодаря нашим челнокам - верней, “челночихам”, которым мы с вами переплачиваем за гнилой турецкий текстиль.

Им бы детей рожать!

Таких же выносливых, как сами. Таких же бедовых и бесстрашных.

Но и они теперь - как в плену.

Раньше отбирали у нас красавиц-девчат кривою турецкой саблей, а отнимали их и возвращали домой острой казацкой шашкой. Но прошли времена булата, прошли. Злато нынче диктует законы чуть ли не всему белому свету...

И нам теперь с вами тоже. И - нам!

Навсегда уже?

Я всё поглядывал на батюшку, который уединился на носу: как одинокие в грозных своих решеньях князя. Как знающие, куда ведут моряков своих адмиралы: не даром ведь говорят, что тем от генералов они и отличаются, что те солдат посылают в бой. Адмиралы матросов своих ведут.

Теплый воздух был почти неподвижен, но черная батюшкина легкая ряса начинала вдруг трепетать, как флаг на ветру, и

недлинная борода тоже обозначала почти неощутимый порыв.

Его неистощимая энергия не только мне была по душе - появление священника всеми встречалось радостной и дружелюбной улыбкой. Как-то сказал ему об этом, и он откликнулся живо:

- Это в других храмах и в других городах могут позволить себе лениться. Мне расслабляться нельзя. Я - в нашем Севастополе.

- Приходится туго, батюшка?

В голосе у него послышалась доверительная нотка:

- Настолько... иногда. Что братию приходится звать...

- Братию?

- Владеющую и ай-кидо...

- И?..

- И русской рукопашной, конечно.

- Рукопашной?

- Да, - ответил он с убежденностью, которая так влекла к нему. - Господь посылает мне верующих, крепких не только духом.

Почти на выходе из пролива бросился к нам, стоящим от него чуть поодаль, вытянул руку к правому берегу:

- Святая София, перекреститесь на неё!

Крестились, глядели молча на проплывающие вдали очертания древнего храма, знакомые, казалось, не только по рисункам в старых книгах и фотографиям в новеньких путеводителях - ещё и по току в себе русской крови... Обширный купол с православным крестом и минареты по всем четырем углам...

А батюшка, перекрестившись ещё раз истово, воздел руки:

- Жди нас, Святая София, жди - мы ещё непременно вернёмся!

Как-то очень знакомо щипнуло глаза.

Вспомнил эту горькую песню, которую на рыдающем разрыве гармошки пели после победы просившие «Христа ради» инвалиды: «Завей горе веревочкой»?

А немцы ж дошли до Ростова...

Идут и конца не видать!

А русский мужик - из окопа с винтовкой:

“Попались, туды...”

Прости, Господи!..

Но - ведь попались же. Ещё как!

Правда, куда раньше нас от самой страшной войны оправились - нас никак она до сих пор не отпустит.

- Жди нас, София! - снова грозно прокричал севастопольский батюшка. - Жди!

Такая непреклонная вера слышалась в его искреннем голосе, что и на меня, никогда об этом дотоле не размышлявшего, словно просветление нашло: да ведь, и в самом деле, - предсказано ещё Иоанном Богословом! Не раз подтверждено другими пророками... Но столько всякой чепухи помним, словно таблицу умножения, а это главное знание держим, выходит, на дальних задворках памяти?

Считается, “попущением Божиим” Константинополь с древней Софиею отдан был туркам за грехи наши... Но с тех пор они только умножились. За что же возвращён будет?.. За бесконечное наше долготерпение и за страдания, которых никто не принял столько за историю свою, как Россия - за последнюю сотню лет? Или - по молитвам праведников, о которых знаем бесстыдно мало? Деланием тех, кто в отличие от самих нас не ведает сомнений, не знает усталости?..

Проходили уже Дарданеллы, когда на боковой мостик, где у приборов стояли наблюдатели да те вроде меня, кто их

добротой - чтобы на чужие берега через мощные окуляры глянуть - пользовались, вышел из капитанской рубки Владимир Львович Васюков, командир похода. Тронул меня за локоть, спросил дружески:

- Не прозевайте? Хотя бы обернуться в ту сторону. Километрах в тридцати от берега - то, что нынче осталось от древней Трои. Та самая воспетая Гомером Малая Азия.

На нем была синяя рубашка из хлопка с распахнутым воротом, буднично смотрелись на ней желтые, с черной звездочкой адмиральские погоны, да и тон у него был достаточно деловой, а на меня опять нахлынуло праздничное ощущение необычного: когда снова вдруг очень остро осознаешь, что нету отдельно ни прошлого, ни настоящего, ни будущего - всё существует вместе, одно в другом, и лучший образ этого триединства, и в самом деле, - зерно, хранящее в себе все состояния сразу... но разве не подобны мы в этом смысле зерну?

Разве они не живут во мне - скифы, арии, этруски, славяне? Стародавние герои Трои и почти уже нынешние, ставшие только родней с течением времени "белые" офицеры гражданской войны, с надеждой и с тоской глядящие теперь с галиполийского берега на наш проходящий мимо "Азов"?.. Или земляки мои, кубанские казаки, чьи могилы зарастают травой на острове Лемнос - уже не справа, а слева по курсу?

Наши «морские волки» не опускались до этого: до трюмных туалетов для рядового состава, где забортная вода, будто под собственным напором, лупила из душа. Я сбежал туда по нескольку раз на дню, чтобы хоть так ощутить на себе струи сначала Черного моря, после - Мраморного, потом - Эгейского... Не для того, чтобы осталась память на будущее, нет, - мне всё казалось, что эта солёная, имеющая тот же состав, что и кровь человеческая, вода прямо-таки оживляет во мне память о прошлом...

Что вспомнить благодаря ей смогу? Что, выходит, предугадать?

Мысленно возвращался к долгим нашим беседам с "казачьим" художником Сергеем Александровичем Гавриляченко, другом Сережей, проректором Суриковского института, который каждый год непременно устраивал для студентов концерт "Казачьего круга" со своими комментариями к историческим песням и былинам: всякий раз это и впрямь было путешествие в глубокую глубь... Может быть, как раз общение с учениками всё добавляло ему и строгой академичности, и душевной широты; как мальчишка заслушивался размышлениями его на излюбленную тему: античная драма русской истории. И дал Бог: это ли вокруг не красочные декорации драмы, продолжающейся и ныне в масштабе, действительно, планетарном?..

С отцом Георгием мы стояли у борта, когда справа вдалеке потянулась над зеленоватой гладью тоненькая полоска Афонского полуострова и еле заметно, словно больше в воображении, начали проступать в глубине очертания Святой Горы. Переполненный смутным ощущением тайны, которую только предстояло мне, коли даст Бог, открыть, я стал

рассказывать ему доверчиво, как мальчишка, и пылко:

- Месяца два или три перед этим походом, батюшка, я приобрел большой образ святого Пантелеймона и с разрешения отца Виктора повесил его на кухне... вернее, скажем, - в столовой. Где, как не там, чаще всего на дню и приходится обращаться к иконам...

- Перед вкушением, - отозвался отец Георгий, давая мне понять, что, несмотря на всю торжественность момента, он меня слушает.

- Начиная с чайка утреннего, ну да... И вот, конечно же, я постоянно молился на образ Целителя, хотя ни о чем специально не просил, но вот теперь мы идём мимо Афона, мимо самого славного русского монастыря - Пантелеймоновского... Это что же, батюшка, - как бы какой мне знак?

- Для начала и мимо, но вблизи пройти... что ж, - задумчиво сказал отец Георгий, как бы чего-то не договаривая.

Вечером в кают-компании за столом он как бы между прочим спросил меня:

- Обрати из Салоник тебе надо непременно в Туапсе - на "Азове"?

- Само собой! - воскликнул я горячо: ведь постоянно как бы держал в уме разницу между удивительным ж и т и е м своим на борту и скучным редакционным житьём. - Никто не верил, что я пойду, считали, что вместе с Главкомом на самолете - в Туапсе и обратно. А теперь надо будет срочно отписываться.... тут же!

- А если пересесть со мной на "Цезаря Куникова" и - в Севастополь? - как будто искушал меня батюшка. - Этот "десантник" один из всех должен туда вернуться сразу: в параде будет участвовать. Поглядишь парад, а там...

- Нет-нет! - восклицал я простодушно. - Евгений Геннадьич говорит, что штабного самолёта в Москву может не быть и неделю, и десять дней, а у меня с собой - ни гроша!

- А как же птицы небесные? - спрашивал батюшка уже чуть насмешливо. И переменял тон: - Не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их...

Но я, видать, прислушивался тогда лишь к первой части обращенного ко мне батюшкина вопроса, - уверенно отвечал:

- Н-ну, птицы!

Что меня, и правда, понудило остаться тогда на гостеприимном “Азове”? И в самом деле, - мой долг перед журналом? Или желание заскочить в Краснодар и хоть на денёчек-два задержаться на родной кубанской земельке: пока попрошу у братика денежку, пока он, нарочно не торопясь, раскачается купить мне билет на самолёт до Москвы?

В Салониках, ещё на борту “Азова”, батюшка на прощанье щедро одарил меня крестиками для нас с женой, для детей и для внуков, а на берегу о чем-то поговорил со встречавшими его греками, и один из них преподнёс мне коробку с великолепным кофейным набором: темной сини посуда с ярко-желтым античным орнаментом.

Сколько потом об этих дарах я размышлял!

Ещё в Салониках нас захватил мощный циклон, но до выхода из Босфора щадил, зато уже в Черном море кораблики наши попали в жестокий шторм. После ночи тяжелой маеты меня всё-таки хватило на то, чтобы добраться до кают-компании к завтраку. Свисавшие до этого по всем четырем сторонам стола узенькие деревянные бортики теперь были подняты. Мелкие тарелки и железные миски пытались ускользнуть из-под рук и бесстрашно удариться друг о дружку на середине или вывалить содержимое у бортика, и меня ещё хватило на то, чтобы мрачно пошутить: мол, может, сделать самому это - сразу?

- Не думайте, юнга, что шторм достаёт лишь новичков, - улыбнулся главный штурман: намекал, что я теперь - мореман.

Ещё по дороге в Салоники посвятили нас с батюшкой в моряки: заставили выпить по стакану морской воды, вручили каждому тельняшку с черной пилоткой, а вечером Евгений Геннадьевич постучал ко мне в каюту, полушутливо приказал стать «смирно» и протянул толстую книжицу небольшого формата: “Устав корабельной службы” с дарственной надписью.

- До рубки доберетесь? Или помочь? У начальника походного штаба есть одно любопытное сообщение, пока о нем немногие знают... ждёт вас!

Капитан первого ранга Василий Павлович Сеницын протянул мне вынутый из телеграфного аппарата листок донесения Главкому ВМФ Куроедову:

“Докладываю: По согласованию с греческими властями 15.07. 99 г. впервые за последние 90 лет военный корабль (БДК “Ц. Куников”) Российского флота подошел к Свято-Пантелеимонову монастырю на Святой Горе Афон. Монахами монастыря Максимом и Сидором были доставлены на борт БДК частицы святых мощей апостола Андрея Первозванного, святителя Николая Чудотворца, святого Иоанна Русского.

В ожидании монахов у монастыря протоиереем Георгием был отслужен молебен о здравии экипажа, после чего личный состав корабля приложился к святым мощам и получил благословение. Членам экипажа были вручены иконки с

печатью Святой Горы.

В монастырь святого Пантелеимона были переданы списки миротворцев-десантников, убывших в Косово на кораблях бригады, а также высшего состава Флота во главе с Министром обороны Сергеевым.

Командир 30-ой бригады надводных кораблей

Черноморского флота контр-адмирал Васюков.”

Только выпрошенный у Василия Павловича Синицына этот листок и остался мне на память о благодатной возможности, которую я так бездарно тогда упустил...

Или которой я лишен был?

Не отцом Георгием, разумеется: он лишь вслушивался в то, что хотел услышать вместо меня... или - обо мне?..

Может, если бы я горячо и осознанно попросил, Тот, Кто решает, был бы щедрей ко мне и в конце концов смилостивился?..

Задним числом стал теперь потихоньку доходить до меня смысл слов, сказанных Главкомом уже на борту “Азова”... Только что вручил миротворцам Андреевский флаг: пусть и он развеивается над сухопутною Приштиной!.. Только закончил напутственную речь, обращенную ко всем, кто уходил в поход... Старшие офицеры уже прощались с Владимиром Ивановичем у трапа, ведущего на адмиральский катер, ожидавший его борт о борт с “Азовом”. Приложив ладонь к сердцу, я только издали коротко поклонился, но он сделал знак подойти и, придерживая руку, проговорил чуть загадочно:

- Обратите внимание на миссию отца Георгия, который идёт с вами...

- Конечно! - горячо пообещал я. - Непременно.

Мне-то потом казалось, что крещение и было главным в миссии севастопольского батюшки...

А они и впрямь соединяли времена: Главком и священник.

Но ко многому ещё, видать, была не готова душа моя...

Или сказать о себе пожестче, а скорее всего, - гораздо честней?

7

Коллеги мои, братья-писатели, - особенно, кто моложе - иногда говорят: ну почему бы вам, Г.Л., хоть иногда не отрываться от факта, как бы интересен он не был... Не подниматься над жизненными реалиями и документами... Учитесь, мол, со всем этим играть - побольше фантазии!

Поздно, милые мои, учиться этому, поздно!

Как гусару, которому красоток не завлекать - от них отбиться бы, так и мне: разгадать бы, наконец, то еле уловимые, а то и явные знаки судьбы, которых в моей жизни было достаточно, открыть бы их сокровенный смысл...

Правда-правда: хорошо-то подсолнушку!

Куда светило наше, туда головкой своей и он - славно!

А нам, случается, в спину бьет несказанный свет, а мы, отвернувшись, стоим себе пеньком бесчувственным, эх!

Только вчера посеяли, а сегодня уже пытаемся плоды пожинать. Иконку великомученика Пантелеимона приобрел, видите ли, на стенку повесил, и уже через месяц - на борту корабля, который идет в виду Святой Горы: рукою подать - вот, вот она!.. Недаром ведь один из самых любимых нынче нами, скороспелыми новообращенными, образов - тоже афонский: икона Божией Матери "Скоропослушница"... в век скоростей живем, нам помощь срочно нужна - ещё вчера!

Но ведь бумага-то моя с разрешением посетить наши корабли в Средиземном море почти три десятка лет, выходит, ждала своего часа.

До Средиземного, правда, мы не дошли... мало лежала?

Всякая дельная, говаривали раньше, бумага должна до желтизны вылежаться...

А наше дело известное: терпи, молись, работай.

И - жди.

Когда вручал мне Мухтарбек дорожную кожаную иконку, в мягкой своей манере наставлял дружелюбно:

- Помни всегда, что это наш с тобой покровитель - святой Георгий: мужчин. Путников. А когда придется, и воинов. И шутку осетинскую не забывай: Уастырджи недаром у нас - министр путей сообщения. Куда попросишь, довезет. Откуда необходимо будет, - вывезет. Только обращай к нему: проси!

Отчего же, и правда, не попросил?

Яркий овальный образок висел над иконою Николая Чудотворца отца Георгия, освящая таинство крещения на борту нашего “Азова” - как я этим гордился!

Но дальше гордыни этой размышления мои не простирались... для горного поиска душа мертва была.

Почему лишь теперь, когда взялся за этот рассказ, вспомнил о ходатаях своих на небесах, о давно ушедших заботниках и печальниках?.. В поминальничке моем один Георгий записан в части “О здравии”: младший сын. И два в разделе “О упокоении”: ни за что ни про что десять лет отбывавший в магаданских лагерях родной дядя, Георгий Мионович, страдалец, и сын его, которому биография отца жизнь испортила, мой двоюродный брат, мой товарищ и рано ушедший сверстник.

А покойный друг детства и соратник всей жизни Георгий Черчесов, осетинский писатель, породнивший меня со своею древней Аланией?.. На аллее Героев во Владикавказе теперь их могилы рядом: его и легендарного джигита Ирбека Кантемирова, тоже принявшего после святого крещения на склоне лет это дорогое всякому кавказскому сердцу имя: Георгий.

Может, эти мои размышления - заодно венок всем Георгиям? Победоносцу прежде всего, великомученику...

“При усилении гонения на христиан св. Георгий раздал свое наследство нищим и, придя в сенат, исповедовал себя христианином, обличил лживость языческих богов и призвал всех признать истинную веру во Христа. “Я раб Христа, Бога моего, и, уповая на Него, предстал среди вас по своей воле, чтобы свидетельствовать об истине.” “Что есть истина?” - повторил вопрос Пилата один из сановников. “Истина есть Сам Христос, гонимый вами”, - отвечал святой. Изумившись дерзновению любимого воина, император Диоклетиан просил не губить его своей молодости, славы и чести и отречься от Христа. После отказа его заключили в темницу, где забili ноги в колодки и придавили грудь тяжелым камнем. На другой день на допросе, обессиленный, но твердый духом, св. Георгий вновь отвечал императору: “Скорее ты изнеможешь, мучая меня, нежели я, мучимый тобою”. Тогда Диоклетиан повелел подвергнуть мученика самым изощренным пыткам. Его сажали в ров, засыпав негашеной известью, надевали раскаленные железные сапоги, били воловьими жилами так, что тело и кровь смешались с землей, травили чародейственными травами, но святой остался невредим. Мало того, перенося тяжелые мучения, св. Георгий творил

чудеса и исцеления... Великомученика укреплял Сам Господь, являясь ему в сонном видении.”

Как до сияющей под первыми лучами белоснежной макушки Эльбруса?

Нам до него.

Из темной, наполненными животными запахами долины...

И это - венок святому, но не только ему, но и всем, носившим его имя, ушедшим: и праведникам, и грешникам, и тем, в ком, как во всяком из нас, непростая жизнь наша грешное с праведным смешала... И это - заздравная всем живущим, имена которых напоминают нам о горних высотах.

Ну что это за знак был мне тогда на этой бензозаправочной станции, где столько лет выглядывала меня терпеливая Вера Георгиевна?..

Мы с женой как раз решали в ту пору и как нам жить дальше, и где жить... Может, это сама родная землячка, сама Кубань-матушка в образе Веры Георгиевны звала нас, блудных детей своих, наконец вернуться домой, в Отрадную?

Мы не вняли.

И по-прежнему ты в дороге. И за тридевять земель от родного порога, с которого в ясную погоду хорошо видать макушку Эльбруса, на холодной скамейке сибирского аэропорта разворачиваешь как бы случайно взятый в дорогу ежемесячник “Спецназ”... И в глаза бросается крупно набранный заголовок: “КУБАНЬ ОЖИДАЕТ СУДЬБА КОСОВО?”

А ты - здесь, думаешь... Нынче. Завтра - там. Ещё за пять тысяч километров от отчего дома.

Встречаешь врага на дальних подступах?

Но как знать!..

“Мы стоим посреди неизмеримых бездн пространства и времени: там и тут проникают только одне догадки”.

Это строчки из книги писателя Ивана Тимофеевича Калашникова, вышедшей в 1947 году в Санкт-Петербурге. Книга называется “Автомат”.

Написанная ещё в позапрошлом веке, высоконравственная и мудрая, с внезапными вспышками прозрения, книга о святой любви к родине...

Но не она по всему миру разошлась в миллионах экземпляров, и не с нею под мышкой бегут теперь каждый день из гарнизонов своих наши голодные солдатики...

“...одне догадки”, воистину!

Эта, последняя, правда, - как бы уже по части другого из самых почитаемых горних насельников: Архангела Михаила, архистратига, предводителя небесных сил бесплотных и покровителя земного воинства...

Но о знаках от него... о том, что неопытным в духовной работе тружеником могло как знак быть истолковано - обо всём этом, коли даст Бог, в другой раз.